

ДМИТРИЙ ПЛАХОВ

ВЫМИРАНИЕ ВИДОВ

On the Ruin of Species

Москва «Элит»
2018

УДК 84(2Рус-Рос)6-5

ББК 84-5

П 37

Плахов Д. А. Стихотворения. - М.: Элит, 2018 — 120 с.

ISBN 978-5-902-40696-9

УДК 84(2Рус-Рос)6-5

ББК 84-5

ISBN 978-5-902-40696-9

© Д. А. Плахов, 2018 г.

© Издательство «Элит» 2018 г.

Предисловие

Представляется очевидным: позиция лирического субъекта далеко не всегда содержит один, чётко формулируемый уровень; более того, предполагаю, что большинство сильных (в терминологии Харольда Блума) поэтов принципиально могут пониматься весьма различным образом. К тому ж просвещенному читателю понятно, что лирическое «я», затекстовый автор, авторский миф, образ субъекта, предполагаемый у имплицитного читателя и возникающий у читателя эксплицитного расщеплены; это расщепление может быть едва уловимым, плавающим, заставляющим говорить про искренность (пусть бы и «новую»), а может быть устроено максимально разбросанным способом, доходя порой до маски, до фигуры максимально отличного от автора героя.

Автору этой заметки последнее время, пожалуй, интереснее всего случаи неочевидные и не доходящие до вышеупомянутых крайностей. Собственно, образ автора вполне наблюдаем и чётко, но сама эта чёткость располагается в некоем многомерном визуальном пространстве, так что, смещая взгляд, обнаруживаешь новые черты происходящего в стихотворении, да и вообще в языке поэта.

В стихах Дмитрия Плахова подобный эффект очевиден (причем в новых стихах, составивших настоящую книгу, возможно более чем в старых). Мужественность, а скорее и даже маскулинность, оборачивается ёрничеством и некой почти кокетливой игрой в самоуничужение. Строгость латыни и высоких античных мифологем в один момент трансформируется в максимально фривольную, порой без стеснения обсценную, порой пропущенную через сито эвфемизмов, но явно прочитываемую, порой ловко закамуфлированную, речь. Верлибр пишется о неприязни к верлибру, чёткий чеканный стих таит в себе синтаксические и орфоэпические подвохи, изысканность словаря, метафорическое богатство вдруг снижаются нарочитой неправильностью, просторечием. Ясность и внятность композиционной логики, самого движения стиха выворачивается парадоксом (то драматическим, то саркастическим) и даже иногда диалектическим снятием.

Вообще, поэтический язык Плахова по преимуществу — язык контрастов, и смысловых, и лексических, и грамматических. Может вполне возникнуть, отдадим себе в том отчет, мнение о стихах Плахова как о игро-

вых *par excellence* текстах, — к тому же провокативных. Игровое начало здесь, конечно, присутствует, и Плахов отработывает его мастерски, но, конечно же, это опять-таки всего лишь один из уровней этой манеры. Перед нами отнюдь не только мотивная комбинаторика: стихотворения Плахова наполнены цитатами и аллюзиями, отсылками, часто немедленно деконструируемыми, — но перед нами не КВН или капустник, а стоическая в первую очередь, по отношению к самой возможности однородного смысла — лирика, имеющая в предшествовании традиции и Бродского, и Алексея Цветкова, и много еще кого, но никоим образом в этом смысле не подражательная (в отличие от многого того, что в последние пару десятилетий было погублено харизмой нонконформистских авторов). Высокая поэтическая классика и образы массовой культуры сплавляются здесь не ради стирания границ и зарывания рвов, как велит ортодоксальный постмодернизм, но в значительной мере отображая единство опыта современного стихотворца, в котором Гомер и «Орландина» Хвоста и Волохонского, Лермонтов и «Игра престолов» слиты вне особого разделения на статусные сегменты (при всем понимании разницы статусов).

Особое место среди новых текстов Плахова занимает поэма «Маршалы», логически продолжающая написанные до этого и параллельно стихи, но в то же время являющая собой своего рода квинтэссенцию предложенного метода. Единственное сочинение, которое может вызвать ассоциацию с «Маршалами» — давняя уже книга Михаила Сухотина «Великаны», в которой произведена деконструкция советских (или «приравненных к ним» — Попов, Рерих, «Варяг») эпических мифов, притом собственно же эпическими средствами. Мужественность письма, которая, несмотря на всё смешение контекстов, языковых пластов, риторических моделей, отчасти отменяет, но одновременно и заостряет деконструирующий эффект, приобретает у Плахова, кажется, большую «определенность двойственности», нежели у предшественника. По сути дела, перед нами демонстрация едва ли не единственного ненаивного способа существования мифа в постмифологическую эпоху.

Наконец, нельзя не сказать, что стихи Плахова на редкость живые и звучащие. Более того. Они интересные. Что, может быть, странно звучит по отношению к поэзии, — интересные не в смысле осторожного оценочного суждения, но в смысле прямом, — возможности быть интересными читателю, удивлять, доставлять искреннюю радость, природа которого, будет уже, конечно, своя у каждого обратившегося к этим стихам.

Данила Давыдов

Отчет командира батареи импульсных излучателей

Total Recall

из тьмы из чрева метрополитена
ты выползал как червь
направо склад и радиоантенна
налево верфь
за ней громада домны и аорты
печных горнил
у блокпоста обрел проклятье хорды
засеменил

когда-то здесь фламингия летала
цвели поля
а ныне роща черного металла
и бурого угля
суставы переломанных конструкций
слои культур
колосья трансурановых настурций
ребристых арматур

любил людей но знал что канут в лету
и милый образ и чумной погост
сейчас поймать фламингию бы эту
да заглянуть под хвост
зачем марфуша вы смешали жанры
функциональный ряд
теперь ночами коченеют жабры
и щупальца горят

мнемоник пой события и даты
и кесарей последних имена

чу слышен гром то рвется терминатор
сквозь южный терминал
надежда есть что прошкворчит светило
до мартовских календ
фламингия какой здесь был тротила
эквивалент

Ante bellum

ты помнишь как пылал напалм
в обсидиане
когда мокрец на нас напал
и марсиане
что обнажила ты тогда
и что воспела
когда зернистая вода
в реке кипела

был нам надежды призрак дан
и символ веры
бежать за дон за иордан
за холм венеры
за поле ржи за гаражи
езде чужие
куда бежать 4-G
скажи скажи ей

я был червленым казаком
а после падаль
а ты ласкала языком
хрусталь айпада
я помню как рубил с плеча
колени гада
гори гори моя свеча
моя лампада

когда потрескалась слюда
по-вдоль хайвея

никто из нас не наблюдал
благоговя
как сбросив черные лучи
в листвяжник палый
треножник воспылал в ночи
и впрямь трехпалый

Pater Noster

стало людишек много мой друг петроний
фабий сказал досылая патрон в патронник
утро трубило птицами пахло пижмой
фабий петроний оптика третий лишний

ныне помилуй и присно небесный отче
у артобъекта сутулится артनावодчик
были в полях хлеба да побило градом
тучи над городом встали над вертоградом

весь не умру ну а если и весь умри я
хлебом насущным взойду иисус мария
только очисти над нами небесный купол
фабий петроний горловка мариуполь

last fight

я вышел из лесу был сильный мороз
сказал атаман и заплакал
мы в кружку налили ему купорос
а после задраили клапан

всем стало понятно какого рожна
мы служим в крылатой пехоте
что нежная ночь ни хрена не южна
и боекомплект на исходе

потом есаула убило ядром
нам новые вводные дали
по-вдоль терминала пройти космодром
а там телепорт и медали

топограф нетрезвый прокладывал путь
от трассеров небо пестрело
мы приняли все купороса на грудь
и кубарем в сектор обстрела

меня зацепило пониже плеча
раздвинуло бронепластины
а что там хорунжий бессвязно кричал
не слышали мы и прости нам

обидно что до телепорта рукой
до плазменной этой ватрушки
опять же напрасно старушка домой
и некому будет старушке

height

раствори бирюзовые дали
в акварели окна
сколько всякой херни повидали
сколько съели говна

сколько соли насыпали в раны
наберется на пуд
где теперь эти дальние страны
да и гитлер капут

мы с тобою из мотопехоты
в полымя из огня
я не помню откуда и кто ты
ты не помнишь меня

вроде звать тебя кажется саша
вроде были друзья
ничего что сапог просит каши
нам без каши нельзя

нам с тобою все было едино
не в окошко так в дверь
а зовут тебя кажется дима
но теперь но теперь

мы лежим наискось от проселка
где кусты не густы
у не помню какого поселка
у какой высоты

introduction

что-то зиждется на чем-то
нить цепляется за нить
промежуток или щёлка
здесь имеет место быть

вот катушка вот бобина
вот небритая рука
и приклад от карабина
и пружинка ДНК

вот витийствует с экрана
бородатый травести
вышел месяц из тумана
в кулачке его блесит

что-то в мире происходит
мамин папа будет рад
старый друг ко мне не ходит
я укроп он колорад

пароход уперся в берег
капитан кричит вперед
я вчера болел за терек
мой дружок наоборот

был приказ ему на запад
а хотелось на восток
ты лети на крови запах
семицветик лепесток

если вдруг со службы срочной
друг мой не воротится
ты расшей ему сорочку
дева богородица

southeast

было весело как было весело
это был восхитительный бой
пузырится кровавое месиво
купол неба над ним голубой

помнит глаз перспективы отрядные
на броне командиры отцы
наше дело военное ратное
триколором обтягивать цинк

принимай под погрузку двухсотые
по мощам и елей и почет
вперемешку с донецкой босотою
здесь лежит орудийный расчет

благодати христовой взыскатели
ипотечники и алкаши
ты о них помолись богоматери
и отцу пару строк напиши

на торце обожженными пальцами
раскрошив антрацит уголек
мой дружок что погиб под дебальцево
мой браток что под горловкой лег

Эпизод – Z

человек в железной маске мой дарт вейдер пожилой
ты не знаешь женской ласки с многоопытной женой
не влечет тебя гимнастки гутапречива пизда
и далека от оснастки смертоносная звезда

всюду клоны быют поклоны белый пластик да металл
помнишь как-то под коломной с бодуна харчи метал
помнишь девку мял в сарае на болту ее вертел
космодром в бахчисарае и ангары в воркуте

королеве с королева все забавы по плечу
да и ты джедай не квелый сдал зачеты по мечу
смерть космическим пиратам и отечества врагам
ave caesar император мчится чартером с багам

бурю мглою небо кроет и в один конец билет
выпьем с горя брат мой дроид нету кружки ладно нет
путь мой млечный звездный покер птица плачет вдалеке
а за дверью скайуокер с острым лучиком в руке

dona Magi

диоген переплыл байкал в омулевой бочке
но увидев огни иркутска пошел на север
он решил достигнуть евклидовой крайней точки
и обрушить сервер

только чуть обсох и опять ангара по грудь
у истоков лены в горах повстречал доцента
от него узнал где структуры АО "Росруть"
строят дата-центр

вправо влево глянь всё графические полигоны
счёт-фактуры реальности выпуклы и слоисты
в кабинетах хрустальные сисадмины-дроны
терракотовые программисты

там потешут гостя коленями и локтями
эвенкийские девы раскосые без прелюдий
тела небес напластованными ломтями
подадут на блюде

отрекись подношений ладана смирны злата
будь закрыта хламидой менада или монада
не ведись диоген не своди очей с циферблата
не ведись не надо

затуши фонарь отыщи ярангу из красной ртути
неприметный вход прореха в монтажной пене
тишина внутри и в яслях младенец путин
вот туда тебе диогене

Singultus

утро приходит как вор что подошвы правит
острою бритвой и после не хрустнет гравий
крики гортензий в саду флоксов икота
не потревожат покамест иакова и федота
друга обряще вотще на сыром плаще
как дионис в плюще

утром нефритовый кролик приносит блюдце
с розовым чаем и губы его смеются
будет федот щетины лишен а иаков пейсов
крокусов рыжий пожар лед эдельвейсов
сопровождает неспешный их cup of tea
в утренней мякоти

полдень ворует тени и выси горни
страхом объятые травы пускают корни
время тягучее липкая струйка пота
вот переходит икота с якова на федота
после помедлив чуток снова на якова
после – на всякого

вот никодим что смотрел на работе порно
гулко икает и кровь орошает горло
вот вenedикта икота скрутила рогом
давеча лгал он и клялся при этом богом
прочие все кого страшный конец постиг
делали глупости

боже мой святой крепкий плечистый бравый
знает что делает левой и то что правой
минет ли чаша сия то моя ль забота
так возглашает иаков и бьет по лицу федота
нет не твоя прерывает федот иакова
и об колено шмяк его

top secret

где б найти пургу чтоб прогнать на север
кибальчиш-мальчиш
я вхожу к тебе через прокси сервер
ты в ответ молчишь
кто там жив еще алеуты айны
тундряной казах
лишь холодный отблеск военной тайны
в ледяных глазах

как ты горло рвал все кричал измена
все ломился в дверь
зацепил ключицей за крюк безмена
и висишь теперь
подпиши мальчиш протокол допроса
и долой с крюка
все молчишь гаденыш и смотришь косо
и как плеть рука

эй хорунжий мой выходи из хаты
созывай блядей
леденцов всем выдай и сладкой ваты
и по сто плетей
расстрелять бы эту гнилую сволочь
да в овраг сволóчь
за окном то полдень стоит то полночь
то опять полно́чь

боевая песнь макрели

губы бледны у рыб их движенья быстры и слитны
их торпеды тела в плавниках смертоносный морфин
рыбы рыбы целуют меня горячо и бесстыдно
неподвижны глаза обитателей темных глубин

я не знаю любила ли ангела меркель макрель
но плыву весь в стальной чешуе из июля в апрель
кислород вытесняю из вод трепещу языком
я люблю эту фрау хоть с нею совсем не знаком

ты высокая меркель плывешь на большом корабле
что локатором крутит в соленой промасленной мгле
справа ангел висит золотым галуном на плече
он железной рукою ведет сквозь пучину ковчег

я нацелен в подбрюшье нацелен ударить под дых
в средоточие трюмов и палуб твоих боевых
в пенном шейкере моря смешать броненосный каркас
с человечесьей и рыбью кровью готов я сейчас

фрау канцлер спасения нет от макрелевых стай
прыгай с палубы вниз и ногами меня обнимай
золотыми ногами в прожилках лазоревых вен
я тебя унесу в свой подводный загадочный плен

губы бледны у рыб их движенья быстры и слитны
их торпеды тела в плавниках смертоносный морфин
рыбы рыбы целуют меня горячо и бесстыдно
неподвижны глаза обитателей темных глубин

* * *

граждане бойцы красные альбатросы революции
так говорил комиссар горяча коня
расстились туманы белым пятном поллюции
и топорщилось небо над нами как мятая простыня

опосля развиднелось чернели трупы на поле голом
что твои снопы перевязанные посреде
но кричал комиссар и сжигал нам сердца глаголом
и горячее олово слов его превращалось в медь

а потом бронзовели мы в горельефах станций
в городах подземных выставлены на показ
и глазели на нас изумленные иностранцы
фотовспышкой альцгеймерной сквозь объективы глаз

золотой петух раскаленная морда псинья
давит грудь удавка винтовочного ремня
не проси за меня дорогая моя аксинья
не проси за меня

die Luft

выпуская закрывки и прочие элероны
mon petit colonel мой похотливый кролик
в междуречии сены соммы луары роны
кавалер королевской крови

целовал изабели соски что пунцово-алы
разрывал батист по паркету стучали стразы
а теперь фон клейст попер осушив каналы
и фон клюге пускает газы

Messerschmitt возьму а не хлипкую этажерку
под капотом табун BMW или Daimler Chrysler
принимай баронесса сакральную эту жертву
фон барона в красном

антуан винсент отрывай лонжерон от грунта
от винта zuruck и vergeblich сюда приперся
зиговали шутя не чурались и зай гезунда
пели wessel horsta

но зачем [спрошу] легче воздуха невесомы
отбомбились вслепую на голую грудь матроны
в междуречии сены роны луары соммы
а еще гаронны

vis legibus est inimica

ты был инфант от инфантерии
гиперборейского царя
войска тебе не слишком верили
но опасались и не зря
поскольку мастер децимации
и шестимесячной губы
ты применял их вариации
с неотвратимостью судьбы

зато окоп лихого профиля
и хоть победа не близка
склады ломятся от картофеля
дрожжей и сахара песка
бывало вылезешь из бункера
где самогонный аппарат
и щуря глаз косые буркала
сподобишь принимать парад

вот с булавами ходят гетманы
у всех обрита голова
вот масса гетов с массагетами
несут ракету булава
вот скифы плотными колоннами
какая выучка и стать
теснятся плитами бетонными
и негде персику упасть
вот площадь полнится монголами
они лелеют обрусев
не лошадей брюшины голые
но жадный гаубичный зев

и штатским не понять проверено
кто этой доли не вкусил
проехать на кауrom мерине
среди вооруженных сил
что как протоны с электронами
зажаты в атомной горсти
ты салютуешь эскадром им
свое последнее прости

divertissement

Дело было не в Пенькове,
не пойми в каком году,
а в таинственном алькове
возле центра Помпиду.

Place de Greve, где гильотина,
там жила одна княжна.
И звалась она Ирина.
И была она нежна.

Я отважный подпоручик
кирасирского полка,
обожатель женских ручек,
прочих прелестей алкал.

Цельный день мы водку глушим,
а под утро керосин.
В этом деле был я лучший
среди прочих кирасир.

Бел челом, очами чёрен,
элегантный силуэт,
по фамилии Печорин.
По призванию — поэт.

...

С каждым годом небо ближе.
Облака скребутся в дверь.
Я всю жизнь прожил в Париже,
а теперь вернулся в Тверь.

Здесь хожу по тротуарам,
а вокруг народ простой.
То под газом, то под паром,
то к солдатке на постой.

Сход-развал, аптека, почта,
караоке, Стройгортрест.
И повсюду кровь и почва
простираются окрест.

За лабазом, возле стенки,
выжрав хлебного вина,
вылупив пустые зенки,
беспардонно глядя на

воздусей аквамарины,
алкоголик и дебил,
я любил пизду Ирины,
а Ирину не любил.

tremor

не помню точно где был штаб
но там вокруг ольха
итак звалась она зейнаб
а может зулейха

такие были времена
не уродилась рожь
и память стерла имена
осталась только дрожь

пускай я снайпер был неплох
но погубила спесь
и весь мой взвод погиб от блох
а я остался здесь

примотан скотчем к колесу
и чем-то занят рот
я помню электрод в носу
и в жопе электрод

мир полон свального греха
но всё добро от баб
меня пытала зулейха
а может быть зейнаб

я был мертвец но живы те
кто портил борозду
кто мне чертил на животе
червонную звезду

теперь когда свободен рот
для истины и лжи
как умереть наоборот
скажи скажи скажи

как жить преодолевая дрожь
и в памяти хранить
твой обнаженный женский нож
твою зубную нить

Vae victis

глotalи полоний и стронций
у плоти земной на краю
потом вылезали на солнце
сырую погреть чешую

снаружи гремели литавры
военная плавилась медь
победу гуляли кентавры
и гарпии сеяли смерть

мы были теперь осторожны
влача побежденного крест
скрывал нас железнодорожный
от этих существ переезд

сплетались за насыпью рельсы
там цвел олеандр и лавр
и мацал округлые перси
кентаврихи пылкий кентавр

нимфетки сатиров любили
друг дружку лобзали в живот
а мы никого не любили
сидели в фейсбуке и вот

вся хтоника эта воскресла
под хвост забурилась шлейй
и наши увядшие чресла
покрылись навек чешуёй

морфем ускользящей речи
держать за зубами невмочь
я был батальонный разведчик
а ты капитанская дочь

Отчет куртизанки

Volero

звучит над парком мендельсон
над сквером ференц лист
любовь похожая на сон
а сон похож на лист

а лист ложится на ладонь
и шепчет имена
то паганини молодой
то губайдулина

я с ним тайком ходил к реке
в сырой ночи как тать
лицом к лицу с листом в руке
лица не увидеть

в кромешной тьме шептал поверь
молил последний шанс
но хлещет по щекам равель
и бьет под дых сен-санс

так много вас а я один
тщедушный и нагой
свиридов скрябин бородин
и глинка под ногой

по-над москвой летит покрасс
и гектор берлиоз
никто не требует от нас
погибели всерьез

но вкус подобный черемше
запекся на губах
бетховен лишь в моей душе
и бах и бах и бах

сумма квадратов катетов

нарисуй себя гуашью
а меня карандашом
как на татлинскую башню
мы залезли голышом
над клубящейся метелью
обращенные вовне
дело кончится постелью
есть предчувствие во мне

ах мадам какая жалость
ах пардон муа мсье
вот вам жимолости малость
вот мешочек монпансье
пусть объял смертельный холод
этот город на реке
мы с тобою серп и молот
в человеческой руке

на морозе на просторе
выдыхая пар усни
вот река впадает в море
вот по морю парусник
это легкий чайный клипер
с андаманских островов
и у шкипера не триппер
он практически здоров

над верхушкой острой мачты
пролетает самолет

если хочешь плакать плачь но
слезы холодны как лед
самолет расчертит небо
легким росчерком пера
мы с тобою крошки хлеба
в бороде у шкипера

temptatio I

он не знал что творится в его голове
где артикль апокриф апостроф
ледоруб леодокол ледоход по неве
огибает васильевский остров

ретирада была бы отсель по уму
но умом то как раз и увечен
и бежать в перспективу мечталось ему
в ту прогорклую сеть чебуречен

он бы съел чебурек невзирая на пост
медный всадник и медная лошадь
пусть осудят его и замкнет синий мост
непременно какую-то площадь

что там сыплется с неба сухая мука
от греха от слепого каприза
не удержат его ни матфей ни лука
с укоризной взирая со фриза

что до боли сердечной твоей человек
кровоточит сокрытая рана
да простится скоромный тебе чебурек
вожделенный как торс монферрана

temptatio II

проститутка любовь предлагает анал
так гласят письмена на заборе
как пройти мне от мойки на крюков канал
что впадает в студеное море

нет мой милый не в море но в полость небес
в капилляры дождя над апрашкой
там николь практикует классический секс
и оральный освоен наташкой

мне бы вдоль по фонтанке да в студеный невы
как нагретая финка сквозь масло
где в оковах и ярость и похоть увы
и московское время не властно

по макушку в перинные ваши ряды
от фантома таясь от фантазма
фарида фарида фаридай фарида
и наргиз — королева соблазна

но опять то забор то калитка то вновь
жестяная труба водостока
всё кричит о любви и смиренна любовь
и продажна она и жестока

rule

я квестор был эрария
потом префект претория
моя звучала ария
гремела оратория

меня любила фурия
горгулия валькирия
калабрия этрурия
джульета и кабирия

навархом был на море и
грозил пределам ливии
меж ног имел виктории
у лесбии оливии

в плену страстей обилия
танцуй младая грация
лобзай во мне вергилия
проперция горация

коль славись свет моли и мглу
темно хоть глаз коли в углу
но не лобзай калигулу
во мне калигулу

геката

твои губы как мне сказали не имут сраму
увлажняясь при виде статуи поликсена
но я так устал наблюдать эту футураму
что охотно ложусь на сено

твои идолы были выпуклы и лобасты
колобок посолонь вертясь укатил на север
заводная лягушка склеила ласты
в перепончатое крыло напоминающее клевер

да и я хорош наплевал в журавель-колодец
лозоходец клязьму по грудь переходил в апреле
но теперь канун успения богородиц
и портянки мои сопрели

может быть в тебе больше гекаты а не гекубы
и одежды твои пошиты из кожи кобры
но молю когда после минета рисуешь губы
не используй пурпура или багряной охры

le Marais

ты спрашиваешь николь почему
так крепко стоит мой член
откуда эта бешеная эрекция
в рассветные сумерки в рабочий полдень
в час карминно-красного заката
в час быка и час волка
когда надо беречь бока
почему он стоит в трамвае
дребезжащем от чистых прудов
до новых черемушек
всю дорогу от девственно чистых прудов
до самых новых черемушек

не стану скрывать всё это потому
что каждое утро перед службой на благо
обществу я посещаю вьетнамское
кафе “Меконг” возле савеловского вокзала
где за приемлемую цену
подают блинчики Нем из рисового
хрустящего теста
морские гребешки лягушачьи лапки
острый суп Том Ям с кокосовым молоком
и прочую здоровую дальневосточную кухню
она многократно усиливает половые возможности
худосочного городского интеллигента

публика здесь разношерстая
ушлые торговцы девайсами
коренастые труженики местного шиномонтажа

сход развал балансировка
нижний слой офисного бентоса
клерки желающие поразить сотрудницу
кадрового отдела экзотической рыбой
под соусом пхи-пхи
посмотрите елена порьфирьевна
я не такой как все
дома у меня есть бамбуковый коврик для йоги
и не хватает женской руки

кстати о руке для непривычных
к вьетнамской кухне
существует маленькая официантка
по имени Фуонг что значит феникс
и если восставший пенис посетителя
причиняет непредвиденные неудобства
за хорошие чаевые она предложит
быстрый hand job в уборной
иногда Фуонг замещает
молчаливая Нгует Тяу
что по-вьетнамски означает
отражение лунной жемчужины в стоячей воде

да николь случайная подруга из галлии
потому и вздыблен мой не первой свежести фаллос
словно шуховская башня или
ваш растиражированный Tour Eiffel
потому что многое глупое мне казалось
и бухать средь зимы я уходил под ель
и теперь обсыпанный серебристым дождиком
как двенадцать месяцев как ну скажем февраль

монпарнас ваш резал я перочинным ножиком
sacre соеур бобур орега мулен руж пляц пигаль
я дрочил на вашу имперскую архитектуру
у арабов брал негритянскую палиттуру

а теперь взаправду скажу раз уж больно хочется
пусть щекочут меня широкобедрые самки
пусть нахально берут за лингам не дрожащей рукой
пусть пускай терзает либидо осклизлая плоть русалки
возлюбить орлеанскую деву левкой меня упокой
есть покой и воля яволь есть жертвенные каштаны
есть штаны на брюхо подтянутые вразрез
ваших нежных трусиков вашей пизды нежданной
кстати как твое отчество милая моя николь
кстати как твое отчество
и отчество где твоё
милая моя николь

Confessarsi innamorati

поверху мгла шелест дерев
понизу грязно
кто здесь лобзал шепчущих дев
речью бессвязной
кто проходил козьей тропой
кромкою леса
но без меня богиня воспой
гнев ахиллеса

кто проникал левым ребром
в эти чертоги
кто здесь пером кто топором
пишет в итоге
птицей скопой легкой стопой
дрогнет завеса
но без меня богиня воспой
гнев ахиллеса

с юбкой твоей накоротке
средняя школа
так пригуби на чердаке
флейту зола
вспыхнет щекой брызнет щепой
после confesso
но без меня богиня воспой
гнев ахиллеса

Валентина

день по-старушечьи чопорно поджал уста
валентина пригубила бокал вина
сделай кунилингус мне пожалуйста
попросила вежливо она

вокруг абажура назойливо жужжала муха
в воздухе был разлит благодатный елей
и где-то на грани зрения и абсолютного слуха
я кажется знал что нужно ответить ей

в смысле валентине а не мухе конечно
этой развратной бесстыжей твари
чьи губы обладают вкусом черешни
контуры тела напоминают о страдивари

речь не про мастера а про его скрипку
о итальянцы знают в струнных забавах толк
помню что-то я невнятное вскрикнул
когда под перстами струился трусов валентины шелк

гроза громыхала и хлопала дверь балкона
сейчас будет рифма коей цена пятак
я ждал жар ляжек я жаждал конвульсий лона
как вдруг лицезрел елдак

срамной и пунцовый уд который вполне бы
носил замминистра или партийный функционер
а в следующий миг заслоня собой полнеба
предстал предо мной люцифер

Видишь ли, я не Валентина.
Да, я уже не Валентина.
Знай, я уже не Валентина,
Я — Люцифер!

GOT

Как ты слаб, мой сын, и осанка твоя сутула,
Мой прозрачный принц, пред тобой два железных стула:
На одном мечи валирийские,
На другом хуи дотракийские.
Где сам сядешь?
Где мать посадишь?

Отвечает сын, в материнское лоно сея
Семена любви — королева моя Серсея!
Ты нежна как утро,
Матушка златокудра.
Вот возьму мечи валирийские,
Да срублю хуи дотракийские.

Говорит Серсея, в шелках поводя плечами,
Пусть ты телом слаб, но умен, и силен речами.
Скоро свято место
Младая займет невеста.
Но теперь по утрам вождею тебя все паше,
В чьих покоях станешь ты появляться чаще?

Поцелуй меня, матушка, ртом, обними руками.
Головою Старка клянусь, и белыми ходоками,
Может прав был покойник, твердил, что зима уж близко,
Не прельщает меня ни весталка, ни одалиска.
А невеста моя не доживет до лета,
Застрелю ее из черного арбалета.

Кубанские казаки

пылает закат
гордей гордеич будто не наяву
уязвленный победой в состязании колесниц
галину ермолаевну хватет за белый локоть
в деснице его сила пяти десниц
в нем плещется гнев и похоть
он валит галину в траву
под стрекот цикад

пылает закат
слышен храп стреноженной кобылицы
запах ветра аромат чуть подкисших щей
изо рта гордея гордеича до ближайшей станицы
восемь верст макар не погнал бы сюда телят
и согласно природе вещей
председатель ебет председателя
на глазах у цикад

пылает закат
здесь он пылает всегда это тебе не бальзак
с его шагреновой кожей белое как горячка
тело галины ермолаевны пряное молоко
плавится в рыжей стерне ломая крылья цикад
ей тяжело ну а кому легко
грузен гордей гордеич но не грузин – казак
и она казачка

иван-дурак

это ли не пастораль луга перелески
русло реки излучина топкие берега
сердце твое на конце рыболовной лески
на вдохе иволга на выдохе пустельга

юркнет кузнечик тень на углу сетчатки
птичьего глаза круглого как пятак
пальцев твоих невесомые отпечатки
птица увидит с неба а мне никак

узнанный всеми видно не быть богату
иволгой ли птахой какой иной
кожа твоя лягушачья сгорит к закату
через плечо брошена в сторону солнца мной

воркутинская

дормидонт дормидонтов доселе
не слышал над собой божий глас
ни плеяды над ним не висели
ни персей ни цефей ни пегас
он по штольням гонял вагонетку
невесомой словесной руды
он и небо видал только в клетку
за все годы свои и труды
если с маршевой ротой на западный фронт
вся награда твоя дормидонт

ферапонт дормидонтов товарищ
был красив как яйцо фаберже
здесь читатель ждет рифмы влагалищ
и похоже дождался уже
он небось растутдыть богоматерь
вождееет запретных утех
но прости мой любезный читатель
я сегодня пою не про тех
я пою о возвышенной дружбе мужской
пополам со вселенской тоской

табачком разведенная дружба
как полынью горчит молоко
конвоира опасная служба
ферапонту давалась легко
он в порыве одном со странюю
различает где классовый враг
но теперь обходи стороною

за хозблоком холодный барак
там застреленный в сердце лежит дормидонт
и рыдает над ним ферапонт

как поют в старой каторжной песне
по коротким ночам не до сна
хоть умри дормидонт хоть воскресни
непрерменно наступит весна
мы живем в ожидании чуда
но пока не отступит мороз
ферапонт дормидонту иуда
дормидонт ферапонту христос
пусть рассудит потом православный народ
может так может наоборот

dissolution

депутат верховного курултая
приоткрыл юбилейный съезд
отхлебнув кумысу валокордин глотая
бог не выдаст баран не съест
погружен в меха росомахи и горноста
представитель земель хунну
не слезая с коня объявляет войну китаю
термоядерную войну

мой птенец монгольского турухтая
превратившийся в птицу рух
улетая в сторону китая
поднимает ветер взмахом пернатых рук
и хватает буйвола с арфой рогов
а потом слона за упругий хобот
но не слышит шороха моих шагов
бесполезный мой шепот

потому что я не иду а ничком лежу
среди распада и тленья
и двойным языком надлокотье твое лижу
и ужом извиваясь печально гляжу гляжу
на твое подколенья

Waterloo Bridge

стегозавр что хлещет шипастым хвостом о дерев
девоншира стволы а затем обращается в кембрий
птеродактиль заложит вираж кантилену пропев
но низвергнут во тьму птероямбом из ангелов первый

в эту ночь рождества я прикончил бутылку мерло
о грядущем теракте прочел в либеральной газете
неужель ты нагая лежишь предо мной ватерло
о мое ватерлоо зачем ты блевала в клозете

не ходи на балкон не тревожь лепесток жалюзи
там в предутреннем небе и звезды и ангелы меркнут
и в трапецию рамы вмонтирован снимок УЗИ
гузка леди дианы и крылышко ангелы меркель

casus Troiae

Если б ты при встрече со мной намокла,
я бы еб тебя, как Ахилл Патрокла.
Как студент курсистку на драном пледе,
или полураздев, как Атос миледи.

Если б ты, увидя меня, лучилась,
Это всё наверное бы случилось.
Как бы еб тебя, избывая жалость,
ах, скажите право, какая шалость!

Я б тебя ебал на Шексне, на Сене,
в «Англетере», бля, как Сергей Есенин.
А потом таскал бы как Айседору,
за густую гриву по коридору.

Но скажу, к глубокой своей печали,
все, кого я еб, не со мной кончали.
А по правде, это еще цветочки,
все кончали плохо, вот это в точку.

И открывшись граду, тем паче миру,
перестану перстами тревожить лиру,
во скиту пустынном, верша молитву,
между светом и тьмой предвкушая битву.

Отчет вирусолога

шелк

за северной башней династии сунь
где виза потребна для въезда
сакральная кóрсунь а может корсúнь
и далее волглая бездна
мой предок почтенный возил туда шелк
но встретил псоглавцев таможенный полк
и участь его неизвестна

читатель пыливый подумает чья
шелков ли торговца полка ли
глаголы поэта что речи ручья
чи хладные воды лакали
потомки саб зиро и северной мглы
сердца из хитина но длани теплы
от властной такой вертикали

коль скоро отчизна тебе гуандун
в мошонке пылает конфуций
тут каждый второй самогонщик колдун
зато не обрезан препуций
расти шелкопряда вкушая байцзю
дозволь мне подруга я в землю вонзю
свой стебель прозрачный и куцый

мы после обмоем потерю бойца
что стягом обернут атласным
он яблочко песню пропел до конца
но жертва его не напрасна
ликуют псоглавцы но здесь вам не тут
стальной шелкопряд громоздится на тут
и шелк орошается красным

liberum arbitrium

воротясь домой через года
позабыл чему семья и школа
миновал витые провода
ров расстрельный где черна вода
КПП и рёбра частокола

для порядка флагом по губам
погранец не глядя клацнул визу
ностальжи по ягодам-грибам
а любовь к отеческим гробам
карацупой подползает снизу

чувствам тесно здравствуй отчий край
не поверишь я скучал украдкой
журавлиный клин вороний грай
дастархан и караван сарай
и медведь с гармоникой трёхрядкой

приобрести всё так же можно здесь
по церковным праздникам папайю
авокадо был да вышел весь
и воскликнув боже даждь нам днесь
разорвать посадочный в патайю

должникам прощаем яко мы
божий храм дворец ли он изба ли
искушай незрелые умы
нищих духом от пустой сумы
от тюрьмы телесной нас избави

громоздятся моногорода
сплетены единой пуповиной
здесь югра тыва и кабарда
золото-валютная орда
и москва как девушка невинна

терема растут среди дерьма
конвоиры выглядят матёро
град земной небесная тюрьма
там клубится тьма и дышит тьма
как дыра в груди гренадёра

indago

шахматист нажимает на кнопку и ставит шах
королю угрожает не конь а скорей ишак
континент расчерчен на клетки над ним кубы
неучтенного воздуха далее лишь гробы

что вмещают в себе обесточенный микрокосм
а вокруг материя косна как ветхий мост
под пятой поврозь разъезжаются берега
по реке проплывает труп твоего врага

хоть теперь не спи мой застенчивый трубадур
пой утрату иллюзий и крах полевых культур
ведь согласно последним данным сети ГЛОНАСС
кроме божьего ока никто не отыщет нас

current receiver

в городе омске где проживал георг ом
сопротивление равнялось пи эр квадрат
сила тока реки выталкивала паром
на пологий извилистый плёс аккурат
супротив котельной и чем упрямей сей факт
тем длинней транссибирский тракт

наводит индуктивность как тень на плетень мастак
дебаркадера ржавые рёбра речное лоно
изучить успел и во всех побывал местах
а под утро постигнул суровый закон кулона
закорючки магических формул на трёх листах
но чадит в изголовье свеча и постель пуста

прочь на реку отсель там проказы и бабий визг
заседает конвент на трибуне горит ампер
электрический скат нежно жалит его мениск
молодого мин херца лобзает седой мон шер
всё не то и опять горизонт градиентом сер
голова пуста как палата весов и мер

заключенный в округлый контур квадрата пи
напряжение жил на зияющий ноль доля
оголенной рукой вот попробуй теперь слепи
круассанов версаля и ромовых баб кремля
и замерзни потом у границы глухой степи
на участке большой цепи

mari proelium

когда я был нежного возраста
и хрупкого телосложения
когда на месте бетонного микрорайона
пролежала лесополоса
запертый в клетке своего опухающего эго
что мне оставалось делать
только открывать ворота
яростным капитанам

они приходили с абордажными саблями
громыхали сапогами возле мусоропровода
кровавый питер блад смертоносный джон флинт
многодетный пропащий грант
гаттерас ахав ясноглазый грей
от них пахло йодированной солью
каждый был вооружен буссолью
и зубчатой астрольбией

море волновалось трижды но
под толщей кипящих вод
капитан немо на безымянной глубине
продувал цистерны главного балласта
и в тоже самое время
член наследия предков герхард фон цвишен
шарил перископом по шхерам острова рюген
в поисках шаловливого маринеско

нет не все они были краснолицыми морскими волками
капитаны фракасс де тревиль жеглов

капитаны копейкин лебядкин мацута шигамура-сан
хладнокровный сорви-голова
но любой кого ни возьми был пятнадцатилетним
три минуты северной широты до возраста согласия
и отныне я боевой капитан очевидность
вызываю вас в радиорубке прием прием

verum corpus

или схиму принять или сердце взнудать уздой
даже сенька по шапке ищет вивенди модус
сунешь палец в пизду — палец пахнет пиздой
сигарету закуришь — и сразу придет автобус

всякой брани исход решает засадный полк
что шеломы и брони таит во густой дубраве
человек человеку (особо в тамбове) волк
возлюби его но взаимность взыскать не вправе

всё от сырости портится даже портвейн агдам
илия пророк не утробный брат еремею
это корпус истин что нажил я к сорока годам
и других досель не имею

Bestiarum

постмодернист красивый сам собою
заходит в магазин
в дом немезид всегда готовых к бою
и мнемозин
он меж витрин скользит благоговейно
а ночь нежна
бутылка тридцать третьего портвейна
ему нужна

сидит на кассе гордая электра
блюдет металл
она владеет всем оттенком спектра
и правит бал
с купюры крупной он не просит сдачи
он так привык
ведь ждет его холодный сумрак дачи
и лиля брик

прохладна мгла последней электрички
что мчит в лицей
согрев в горсти озябшие яички
и кадуцей
постмодернист сошел на полустанке
а путь далек
но с ним души прекрасные останки
и бутылек

какой за нами бдит бинокль ночи
чей слышен крик

там на печи хохочет и клоочет
нагая брик
там няня с кружкой словно злобный фетиш
и анна керн
смелей поэт сейчас ты нам ответишь
за постмодерн

Иван-царевич

была у ивана палата ума
собрание высоких материй
не то чтобы с ним не случилось дерьма
но ключ от палаты утерян

гуляет иван по столичной москве
звонит бубенцами меж чресел
не то что б в экзистенциальной тоске
лихою веселостью весел

вот красная площадь разрыт котлован
а в нем ювенильное море
и сразу как будто грустнеет иван
фантомное чувствует горе

на море на том не бушуют шторма
не ловят ставриду и хека
в нем спрятан потерянный ключ от ума
как тайная библиотека

он пробует воду босою ногой
что здравая в целом идея
потом как адам обнажился нагой
и брассом плывет холодея

плывет он к любому исходу готов
и думает господи где я
ни башен кремля ни торговых рядов
ни эллина ни иудея

скользит мой иван по упругой волне
нетрезв как иная менада
и вглубь обращен его взгляд и вовне
а так между прочим и надо

напрасно старушка ждет сына домой
ногтями царапает двери
а волны бегут от винта за кормой
и тает их след в стратосфере

бытие

я видел так внизу была вода
а между ней и верхнею водою
земная твердь кремнистая гряда
вставала созерцаемая мною
топорщилась и морщилась земля
мела метель в любой предел ея

как водится была метель бела
но чудилась кремнистая полоска
где эта боль которая была
ни эха от нее ни отголоска
я выпил сто потом еще полста
земля была безвидна и пуста

метель мела как должно ей мести
был путь кремнист и временами млечен
но таймер я еще не запустил
в безвременье я был увековечен
какой лемносский бог меня сковал
я не был здесь я не существовал

мой дух мятежный над собраньем вод
над бездною кромешною носился
мела метель и гулкий небосвод
на совесть и на зависть уродился
открылась бездна звезд и впрямь полна
ни счета им и бездне нету дна

день шестой

мир начинался с кухни огонь в печах
жарко шкворчали колбасы вздыхало тесто
бог самовар золоченый широк в плечах
сковороде жених и его невеста
маслом кипит подвигая к нему борта
и женихом горда

мир протекал в уборной сливным бачком
ржавое жерло утробные хляби бездны
там клокотала стремниной тугим волчком
живородящая влага и мне известно
что возвращалась она на исходе дня
дважды омыв меня

мир завершался в спальне окрестный мрак
в ней загустел осязаемо но не мною
каждый охотник знает где спрятан враг
не повернись ненароком к нему спиною
кончился день шестой моего труда
но не пойду туда

теплород

по четвертому риму пройдешь налегке
толерантный насквозь но с отверткой в руке
до табачной палатки
уместив в сантиметр погонной строки
тепловозов перервы ночные гудки
и газельи глаза азиатки

суетливо мелькают огни впереди
но паскудное чувство засело в груди
что тебя обокрали
что не выпить уже нам с тобою вдвоем
где пространству придали не смысл но объем
трубы хладные теплоцентрали

здесь обрящешь себя и найдешь поутру
весь скукожен и гол на холодном ветру
и подобен вороне
где метет по асфальту чужая метла
где застыл человек не дожив до тепла
на пустынном перроне

веселый молочник

молочник лишь молочницу любил
была она агафья был он нил
не в честь реки египетской но все же
своим стадам не худший фараон
гонял коров на бывший полигон
ракетных войск о сохрани нас боже

молочник пьет сухое молоко
доносит благовесты с колоко-
льни льни ко мне развратной теплой сухой
но нет не льнет подойником гремит
покорна мужней воле как гранит
и полон глаз терпением и скукой

молочник спит молочник видит сон
его жена и фельдшер паркинсон
погрязли в безднах похоти и свинства
невыносимо хочется кричать
но на устах сургучная печать
неумолима словно сфинктер сфинкса

молочник весел потому что пьян
его друзья кузьма и валерьян
клонят ланиты к овощным салатам
они в неравной битве сражены
не водкой но красой его жены
и мир над ними неделим как атом

memoria ruptio

Притон проституции.
Вертеп, вертоград разврата.
Запрокинутый рыбий глаз искажает
контуры плоти.
Где это было, на авеню Марата?
В старом Палермо? Ветер застрял
в лабиринте льняных полотен.
Интерференция: охра, индиго, умбра.
Замок базальтов, балкон увенчала клумба.
В клумбе настурции.

Нет, разумеется в Питере.
Симфония геометрии.
Трахея проспекта упирается
в подвздошную кость. Гудят
куполов альвеолы.
В Гатчине моровое поветрие.
Здесь же — многоканальная связь
с одной застенчивой девушкой.
Девушка, ваши шелка кишат!
Во дворах-колодцах звучат виолы.

Площадь покрыта жандармами.
Их черные шлемы — паюсная икра
на посольском приёме.
Армагеддон урбанизма. Нет,
это всё же Москва.

Мы мчимся на гироскутере.
Это такая игра.
Разворот на бруствере.
Моментальное сэлфи в проёме
Между контрэскарпами.

6. Антиутопия

Апостасис одностишия. Открытые дворы.
Я с самого начала тут. Путешествие начинается.
Мы и глаза, девочка с обручем, пальто и собака.
Верлибры только для своих.
Transit — падение в небесах.
Стечение космических секунд,
Пока догорает азбука.
Всё-таки непонятно, почему ты не дозвонился.
На ниточках — два состояния.
Великое однообразие любви.

Кобальт, потеря ненужного.
Ну и взмах. И взмах.
Паства: книга стихотворений. Голая книга.
Наброски разных лет и эпох.
Луночь, сеанс. Лирика.
Радио Мордор, дерево у обрыва.
Цитата: «Окна целятся в ночь перекрестием рам».
Кружево страсти — царица Суббота, прошепчи “да”!

Откровенность деревьев — мой маршрут оборвётся
в пять утра, далеко в горах.
Ничего личного, девочка с желтой мухой.
Дядявита, «Turistia»!
Кисточка из пони, мифы о Хельвиге.
ОВЕХО. Горб. Колыбельная дождя.
Бремя речи. Переключка.
Кормить птиц — занимательная шизофрения.
Внутренние диалоги, прилив.
Мифическая география. Затмение.

Лазарет: стихотворения замкнутого пространства.
Радио скворешен — кошачье счастье.
[Главное останется за скобками].
Советские тексты, орнамент. Стрекалово, дни.
Инверсум. Колыбельная дождя.
Непереходный membra disjecta.
Всё это нужно пережить: Москва,
Милан, Майами.

Это я, Державин! Вдохновение,
время вспять!
Фотоны, новые анафоры.
Соп атоме — тихие слова
на совсем чужом празднике.
Ручная кладь, вечный дом.
Щит любви.
Случайный ангел.

Turistia. 6

Нездешний гость,
в нарисованных пространствах
нам нечего делить.
Небесный диспетчер,
моря нет!
Никто не умер.
Державин,
Южак — се человек!
Две души.
След в след или...
любовь к классике?
Крымский дивертисмент?
Скит?

Город N и его окрестности:
Колокольная горка, радио скворешен.
Грунт, пыль. Над городом-небоскрёбом
медленная луна. Перекрестье.
Игры на воздухе. Девочка с обручем.
Легкие дни сквозь вешалку пальто.
Никоторый час.
Мифическая география.

Последний успех:
Увидеть ветер,
откровенность деревьев.
Рыбы и реки,
лягушки энергии —
лира для диких зверей.

Доплыть до августа,
пригубить от вечности реки.

Сирень. Сопричастность.
Царица суббота.
Короткие стихотворения о любви.
Роза категорий: чудо-юдоль.
Ручная кладь, портсигар.
Потеря ненужного: стихи для чтения в метро,
сонеты о русских святых,
сто верлибров и белых стихов,
короткие стихотворения о любви,
новые анафоры...
Август кончен.
Ни одного корабля.

bifurcation

не дерево которое растёт
не птица что над деревом летает
но человек чей инструмент острее
в моем мозгу незримо обитает

не серафим из города саров
не святополк коварный и неробкий
а кто ж тогда обрел и стол и кров
в отдельно взятой черепной коробке

я помню все хоть это был не я
ходил мальчишкой на плотках в заречном
дробилась философская струя
о философский камень и о вечном

шептала мне вернее нет не мне
тому мальчонке я его не помню
он был кретин и при пустой луне
шептал слова одной кретинке полной

тетрадь моей исписана рукой
как я провел каникулы в тоledo
в то лето я был в точности другой
но кто прочтет но кто поверит в это

сейчас и здесь а не тогда и там
азм емь пин-код своей кредитной карты
так кто за мною ходит по пятам
и кажет кукиш из под школьной парты

так кто узнав секрет разрыв-травы
умалишенный с бритвою в деснице
в мансарду этой круглой головы
пролез сквозь обнаженные глазницы

та птица что над берегом реки
то дерево что непокорно корню
меня другим названьем нареки
я не был им я ничего не помню

ex pluribus unum

не помню должно быть еще эпиктет
но сенека ближе наверно
всегда соблюдал деловой этикет
в конце нашей эры примерно
а вашей в начале но это пустяк
не будем гадать на костях

позор англосаксу жующему порк
не им а кошерным аидом
лечу бизнес-классом из йорка в нью-йорк
работать таксистом и гидом
вот бойня мычат золотые тельцы
вот башни стоят близнецы

мой брат приобрел выраженье лица
и устную речь без акцента
он взял ипотеку у бога отца
под три годовые процента
по выходу в кэш пробашляет нам всем
билет вавилон-вифлеем

я многие годы боролся со злом
под именем савл из тарса
меня называли в отряде козлом
а я им в ответ улыбался
с какими людьми я спасенье снискал
красильщик рыбак и фискал

не помню аврелий сказал или тит
оставь для благого благое
ракета касам в галилею летит
к восторгу субботнего гоа
но может комета галлея
на что я надежду лелею

sententia

время неровно поделенное на отрезки
покрывает старателя золотым песком
колчеданом и кобальтом в репродукторе анне вески
дышит северным морем телом пульсирует виском
молнии блещут и сталь стамески
им отвечает внезапным отблеском

что ваяет ваятель не крест ли
нет скорее подобие пи эр квадрата
так утверждает сидящий в ажурном кресле
тонкий знаток кубизма с лицом кастрата
всё чин по чину шеврон кобура на чресле
камень дрожит в основании зиккурата

говорят что где-то за лобней дымит кальдера
а под городом нашим карстовая каверна
там во мгле живет любовница вице-мэра
боевая гетера пьяная как мадера
помню в детстве я более прочих ценил жюль верна
а еще вольтера

я любитель орально вкушать замшелые их глаголы
городить лупанарий на месте волчьего логова
я простой учитель районной начальной школы
мне к восьми тридцати на работу по хладным глыбам
в среднем ухе шум и шерсть на загривке дыбом
будто в спину уперся взгляд космонавта волкова

antico

потерянного времени химера
кто разорвал твой искривленный рот
какой самсон какой такой нимрод
не я ль то был со статью пионера
цветок весны сплошная прима вера
и безбород

напрасных устремлений мантикора
теперь ты хлещешь огненным хвостом
нежнейшей из известных мне истом
лишив и перспективы и простора
меня клятвопреступника и вора
в лесу густом

внезапного прозрения горгона
мой супервизор цензор ревизор
воскуришь ты коренья мандрагор
полыни белены и эстрагона
и бросишь мне как лепесток с балкона
тяжелый взор

Herd I

здесь куда ни глянь — все скота падёж
и падежный ряд вызывает дрожь
произволом формы порядка для
потребляем всуе артикль “бля”

здесь вороний грай и коровий сап
морская язва живет в лесах
век от века спорит с длинной версты
я в стигматы эти влагал персты

бога нет имперский императив
вот извечный мой или твой мотив
хоть на ухо туг хоть на глаз слепой
хоть губою тресни а только пой

пой мой милый в августе и танцуй
в сентябре почет воздадим певцу
лобызаньем уст золотым гербом
сычугом коровьим бараньим лбом

Herd II

а ли тонет враг в ледяной воде
алый крест без границ врачи
то ли кот баюн по цепной голде
то ли выпь вопиет в ночи

бродишь здесь угрюм что лесной кержак
бочажин мокры волдыри
по утру догнаться зашел в жан жак
но и там одни упыри

языком смолы растоптав презрев
человечьи мои права
по тверской стволы колдунов дерев
и по пояс полынь трава

как не выпить днесь хоть с самим собой
раз уж сам себе лучший друг
убежать отсель водяной трубой
через яузский акведук

распластаться весь на платформе лось
худосочный обмяк скелет
но и глаз залив взгляд куда не брось
борщевик репей бересклет

sur le boulevard

Не крови из открытых вен толчки,
(или артерий, я не врач),
Но угольно-оранжевые ленточки
Меня влекут, хоть плачь.

Их повсеместно носят девы нежные,
Меж холмиков грудиц,
То чувства пробуждая безнадежные,
То жар мудей.

А некоторые вяжут их на сумочки,
И на лодыжки (срать на реноме),
Блудливых глаз японские рисуночки,
Хентай и анимэ.

Мне снится, что стою в одной рубахе я
Средь вас (а на устах хорей),
Как в юности не чужд был амфибрахия
И Саши Грей.

Не важно, кто ты будешь по профессии,
Твой опыт половой,
Но сладко мне сердце победобесие,
И дружба с головой.

Мы будем живы нефтяною рентою,
Избегнув войн и смут,
Когда обяжешь этой пестрой лентою
Мой крепкий уд.

redambula

я вышел на курской хотя надо было ехать дальше
и направился к дому моего детства
сунув руки в карманы расхлябанной такой походкой
дабы издали походить на жителя этих мест
дом был по-прежнему крепок и в меру монументален
как многие здания середины шестидесятых
те же две арки тот же тенистый двор
с угловатой вытяжкой из чрева метрополитена
в нем теперь живут совершенно другие люди
между арок теснятся чисто вымытые авто
под моими окнами та же футбольная коробка
где я бегал полузащитником дворовой команды
я нечасто забивал но у нас были и лучшие голеадоры
моя задача разрушить вражескую атаку
перерезать пас в штрафной как чертяка из табакерки
вывинтить мяч и отправить в белый свет как в копейку
здесь случались драки и разбивались окна
и девочка из 6-го "Б" смотрела из-под ресниц
и конечно были проигрыши всухую
и кричала мама с балкона — пора обедать
здесь могла бы находиться ваша реклама
как прочел бы всякий на растянутом полотнище
через подсосенский переулок на который я как вы поняли вышел
а еще потрясающее по своей лирической силе
описание всех этих арок пилоэстров выщербленной кирпичной кладки
всего чего касалась рука мальчика бывшего когда-то мной
а также список примет нового времени
в виде нелепых табличек и вывесок
курсы духовного роста фьюжн-кафе экологический бизнес ланч

но внезапно я заметил что пишу эти пламенеющие строки
каким-то дурацким неритмизованным верлибром
который не люблю и презираю как жанр
и тогда с досады пнул огрызок гнилого яблока
он описал длинную красивую дугу
идеально в яблочко в открытый помойный бак

de rerum natura

во хрустальном чертоге мокриц и клещей
дионис правит мессу
тит лукреций поет о природе вещей
водопаду и лесу

а возвысь он допустим лирический глас
скажем urbi et orbi
увлажнится слезою поющего глаз
перисполнится скорби

под луною глагол с уст рапсода не нов
гол в конечном итоге
не лукреций пускай пифагор без штанов
или сенека в тоге

или публий вергилий во чреве коня
всяко выглядишь глупо
то развратная рогса терзает меня
то тамбовская lura

в этой мертвой латыни я имя таю
в неприметном логине
и безмолвные гимны богине пою
а не смертной вагине

полюбовник прилежный ее букварю
в полуночном безлунии
я с богиней на двух языках говорю
по-собачьи по-куньи

* * *

Труп города раскинулся широко
на берегах реки,
Обитель зла, вместилище порока.
Пророк, реки!

Бичуй глаголом голые массивы,
конклав пустынь.
Возвысишь глас — и неостанет силы.
Засим остынь.

В единый миг иссякнет пуповина,
словес руда.
Меж пепелищ Димитрова и Клина
падет гряда.

Иезавели поклониться земно,
восплачь, Илай!
Чудовище, и обло, и стозевно,
И лай. И лай.

the birth of the clinic

пациент не приходит ко мне
боевому врачу
я каштаны нагрел на огне
а таскать не хочу
я привык ампутировать пясть
интубировать зев
возглашая асклепия власть
и каштаны презрев

пациент не приходит и пуст
полевой лазарет
постели мне на ложе прокруст
разбуди на заре
перкуссируй пальпируй вот здесь
вожделенно урча
эта похоть познания есть
символ веры врача

если горны вострубят в ночи
если завтра война
упакуй препараты мочи
гистограммы говна
панацеи секретный рецепт
заржавелый ланцет
расширитель диссектор пинцет
не забудь про пинцет

там где небо зарей на сносях
и дымятся тела

мы поскачем с тобой на рысях
на большие дела
в бандаже портупей и подпруг
по дороге кривой
вожделенный военный мой друг
мой хирург полевой

Cancer carsus I

я вершею ловил голавля и ерша
я был простой рыбак истоков рубикона
здесь кто-то вброд ходил свои дела верша
любитель потрохов и рыбьего бекона

пока я добывал налима и леща
вода была мокра и глаз слепила блёстко
но беспокойный ум опасен как праща
в трясущихся руках еврейского подростка

зачем рыбачил я притом не без труда
чинил худую сеть и налегал на вёсла
а тот другой входил с войсками в города
искусства поощрял и развивал ремёсла

свисти мой рак свисти пока тебя хранит
не обнаженный меч но меч лишенный ножен
пускай не на горе где царствует гранит
пускай на черном дне на черный день отложен

Cancer carsus II

где вервие поддерживает тын
где ехал хмурый через реку грека
тебе цена в базарный день алтын
мой одинокий голос человека

прогнивший остов сумрачный причал
гуляет ветер меж дырявых крыш но
мой голос здесь во славе не звучал
руин среди его совсем не слышно

но слышен шепот будто из воды
я рак речной и здесь перезимую
зыбуч песок и не хранит следы
не то душа хранит любовь земную

сегодня ночь безлунна как на грех
лишь над волной звезда семиконечна
примкнуть штыки грядет рекою грек
не русла вдоль но поперек конечно

cena dominica

Начни год грядущий к примеру с декабря,
Среди всех этих рождественских пряничных кукол,
Молча или, скажем, сам с собой говоря
«в тех яслях где младенец агукал
там толпятся и шепчут седые волхвы
обращаясь к младенцу на вы»

Ты крещен, как водится в облупленной ванной,
Водой из крана, не вкусив Иордана струи
«о январь мой андрей перевозванный
через форточку холод струи
скоро грянет февраль не далек от греха
петр брат твой под крик петуха»

Сочини акафист, чтоб был многогранен и знаков,
Как Веры Мухиной пролетарский стакан
«бон суар зеведеев иаков
и тебе богослов иоанн
вы приходите вместе как март и апрель
растворив в небесах акварель»

Ну и там уж зарифмуй зеленого змея
С козьявкой зеленой — сиречь носовой полип
«в июне жди явления варфоломея
потому что в мае уже приходил филипп
май всегда переходит в июнь
ты на эту метафору плюнь»

Вот и лето, а в морозилке еще белого хлебного литр,
Что полезно для тела и для мятежного ума.
Кто там в дверь? «то матфей наблюдательный мытарь
и пытливый апостол фома
мы разделим напитки поделим хлеба
если только не треснет губа»

Как бы понятно, что далеко тебе до корифеев,
Хотя сам по себе тоже неплох блудодей,
Да уж как-нибудь «время жатвы иаков алфеев
аки персик румяный фаддей
всем нам светит тяжелая жатва
мы о жатве подумаем завтра»

Вот и вечеря, вот и кильки посола пряного.
Телевизор на кухне фонит.
«здесь и трезвого не отличишь от пьяного
вот ноябрь симон кананит
вот декабрь поземкою вьется
на пороге иудюю мнется»

adventum area

Разом хляби разверзлись на крыши
града Череповца.
Мокнут плакаты “Крым наш”,
мокнет фреска,
контур знаком — желтый череп отца
СССР Ульянова-Бланка.
На экране монтажная врезка:
“Это не Касабланка”.

Катит свинец Шексна.
Комсомол, весна.
Речной вокзал.
В небо дымит комбинат,
и весьма некстати,
был бы здесь Цинциннат,
Цинциннат сказал:
это не Цинциннати.

Здесь всё наше. Бойлерная, гаражи.
Трансформатора будка, в окнах куски фанеры.
И внутри каждой девочки теплится точка G,
потому что с Марса мы, а они с Венеры.
Транспарант. Письмена. “По последним данным мин нет”.
Штабель шпал, арматура, штамповка, обрывки тросов.
Марсианин. Венерианка. У них минет.
Всюду жизнь, сказал бы философ.

axis opticum

в оливковой роще вакханка
героя мошну опростав
резвится нагая нахалка
приятно округла в местах
не столь отдаленных а воин
присягу презрев и устав
вакханкою в целом доволен
от шалостей впрочем устав

зачем я мальчононька тощий
душою и телом незрел
все эти соития в роще
в бинокль армейский узрел
зачем как последняя тля я
зрачком к окуляру приник
с опаской себя представляя
на месте любого из них

салага я был и невротик
не жаловал с детства овал
а он ее именно в ротик
и в носик потом целовал
в итоге еще и анально
воитель вакханку познал
и то и другое нормально
когда позволяет казна

я видел как рушились царства
я щупал тщедушных коров

чуму саранчу и мытарства
иные терпел мой народ
там оводы мухи и слепни
сбивали бинокль с оси
волшебная призма ослепни
вакханка и ты не соси

mycelium

никто не заметил что дело табак
что лопнула где-то подпруга
всех кошек окрестных мышей и собак
мы съели а ныне друг друга

глодаем свои и чужие персты
толченую девичью печень
от чувства свободны от мысли пусты
а впрочем помыслить и нечем

зажаты в тисках греко-римской борьбы
мы глас возглашаем в пустыне
пока за холмом расцветают грибы
простые простые простые

sanctuary

во время термоядерной весны
в период изотопного распада
всем снились эротические сны
а мне теперь и этого не надо

ложись со мной и до поры молчи
нутру подобна водородной бомбы
не долетят смертельные лучи
до потаенной нашей катакомбы

пока поверхность корчится в огне
пускай щебечет мыслящая плесень
но ты не пой красавица при мне
мне от тебя теперь не надо песен

здесь не искал никто судьбы иной
здесь каждый пел как раненая птица
не ты ль сейчас взорвешься подо мной
и новая вселенная родится

Бустрофедон

Волосы у нее росли как водоросли,
сеятель вспоминал, самокрутку махря.
Вокруг полыхал оазис, вибрировал хор ослиц,
взыскующих Валаама.
В пыльном углу за простенком висела заря,
прекрасная как реклама.

Кто бросил тебя сюда, где свищет дыра градирни,
в это болото слов, не знающих плуга sator?
Пока ты лежишь голышом на вчерашнем дёрне,
ворон глодает кости старого элеватора.

Стоит ли Pater Noster в одежды рядить пандита,
молвил оратай, лицевой расправляя мускул.
Здесь вам не фригидная Афродита,
но Горгона Медуза в броске, в блеске её корпускул.

Вряд ли отыщется в это лицо заглянуть нахала,
разве Персей какой, Елисей или гений места.
Чье колесо космы водорослей перепахало?
Чьего резца эти статуи, бестии из асбеста?

Где, в конце концов, ваши смоквы, оливы, просо?
Где просодий ковчег, оцинкованный ящик?
Кто папиросой сможет выстрелить в рот матросу?
Только курящий.

Я ухожу, я голодный певец колесниц турусов.
Чем ты питаешься, кстати, пастух горгон?
Всякое. Крылья акрид. Словесный мусор.
Лингва. Суржик. Жаргон

Маршалы

Часть I. Страх

лес подобен сумрачной литургии
ощетинился замер напряг опушки
меж корней таится лесная стража
оседлала кроны лесная стража
батальон янычар сыновей кукушки
коростели varaушки и другие
в облаках стрижи нарезают круги и
достижения высшего пилотажа

локация перед лесом кажется плоскостью
сползающей в сторону экватора
простор разнотравье череп быка
бликует лишенной волос костью
поле черно от воронов
за рекой конные орды дователя
прикрывают танки маршала говорова
маршала говор страшен

поле дрожит в предвкушении пашни
танки ползут натуженно
головной глядит исподлобья
дырявой башни
фрагментируется дым мотора
черные хлопья
падают на плечи дователя
вороны дожидаются ужина

Часть II. Мщение

запад тлеет восток багров
баграмян форсирует южный буг
или западную двину
не разберешь с нахрапу
маршал штабной дашнак
сам у себя в плену
тёмен ликом суров
отдает приказ не разжимая губ

вязнут в пойме полки
но силён накат
мы телами заполним впадину
много у нас солдат
и у всех небриты лобки
в кашу мясную в прибрежный лёд
вбей фашистскую гадину
баграмян и бьёт

бьёт баграмян кулаком по земле
и земля раскалывается как орех
в пыль в молекулярный кисель
валит пар из трещин каверн из её прорех
и река пружинит подобна стальной змее
и бегут солдаты что наш что чужой отсель
кто здесь скажет что маршал мал
баграмян огромен

Часть III. Надежда

ночь перед боем
в сердцевине болота
вязкая духота
днем будут оводы
эх пропадай пехота
но не задаром
нам дан командарм
чуешь чуйков
рокот осок
то рокоссовский
чуешь сов голоса
к нам идет рокоссовский

Deszcze niespokojne
potargaly sad,
a my na tej wojnie
ladnych pare lat.
Do domu wrocimy,
w piecu napalimy,
nakarmimy psa.
Przed noca zdazymy,
tylko zwyciezymy,
a to wazna gra!

перенос перспективы
что видит глаз
дальнозоркой птицы
боевые порядки врага
морщины оврагов

в них скопился болотный газ
кусты лещины
таволга сняты
мундир ордена петлицы
кто там мерцает
кто в атаку ведёт мертвецов
маршал мерецков

Na niebie obloki,
po wsiach pelno bzu,
gdziez ten swiat daleki,
pelen dobrych snow!
Powrocimy wierni
my czterej pancerni,
«Rudy» i nasz pies.
My czterej pancerni
powrocimy wierni,
po wiosenny bez!

собирались наспех
засветло вышли к насыпи
станция узловая
неприступна как троя
из восемнадцати
нас оставалось трое
был арестант
стал диверсант
штурмовой десант захлебнулся
но слышишь рельсы гудят и гнутся
где-то бухает тол бухает тол
это маршал толбухин

Na lakach kaczenie,
a na niebie wiatr,
a my na tej wojnie
ogladamy swiat.
Na laki wrocimy,
tylko zalatwimy
pare waznych spraw.
Moze nie ci sami,
wrocimy do mamy
i do szkolnych law.

Часть IV. Совокупление

конев красив как сизиф
верней как кентавр
вернее его негатив
узловатое тело примата
голова коня
голос громче литавр
губы слаще граната
костюм из чертовой кожи
маршал просит огня
батальоны тоже

широка командарма длань
на запястье ролекс-котлы
а к молярам вязнет
от варяга до грека бурлят котлы
киев умань и вязьма
блед ли твой конь саврас

всякому видно что дело дрянь
ночь проведи скорбя
завтра вызовут в ставку
приказ к стенке кретина
нет уже мчится жуков спасать тебя
шестирук стоглаз
в черном панцире из хитина

едет жуков по небу на огненной колеснице
молот ведьм пылает в верхней его деснице
в верхней шуйце мерцает серп молодой луны
в остальных руках отнюдь не цветы герани
сплошняком атрибуты русской военной брани
чугуном горячим конечности его полны

вот пикирует жуков отвесно на поле бойни
в менструальную слизь в концентрат человеческой вони
от земли до небес громоздится утробный вопль
но прекрасен маршал в огне реактивных сопел
и надкрылья сложив соблюдая уставной артикул
он вонзается в землю во блеске стальных мандибул

Часть V. Пробуждение

лейтенант ткачук
писарь генштаба
лицом холеный барчук
телом рыхлая баба
но в душе человек не подлый
рассказывал мне по пьяни

как вызвал товарищ сталин
в свой кабинет в кремле
маршала василевского
маршала малиновского

малиновский в алом камзоле
письменами покрыт и узорами
василевский в тунике лазоревой
а в глазах полярные зори
у василевского в ножнах
льдистый экскалибур
у малиновского огненный дюрандаль
волос в носу малиновского малиново-серо-бур
от голоса василевского крошится сталь

маршалы входят вытягиваются во фронт
во глубине чертога сталин
на пальце его корунд
более ничего на отце народов
boss он и наг
голова в штырях управляющих электродов
через грудь наколка "архипелаг гулаг"
светлая пасха
на столе румяный ильич
яйца крашены в цвета второго интернационала
сталин широким жестом приглашает гостей вкушать
маршалы переминаются берут по яичку
христос воскресе
бьются овуляриями
оба трескаются

косматые брови вождя
принимают форму журавлиного клина

мой малиновский
сталин рычит как барс
мой василевский
кто из вас сильнее в тактике штыкового боя
у кого глубже лужёная глотка
кто создаст окончательную реальность
я приму лишь одного на ложе победы
чья голова во хмелю окажется крепче
он един
станет верховным жрецом
генерального штаба

маршалы обнажили клинки
чертог наполнился всполохами
но сталин
выпустив пар из ноздрей молвил
прочь булатную сталь
будьте как яйца дети мои
будьте как яйца
и тогда
разойдётся по краям пространства
от русского моря до русского
оттолкнувшись маршевыми двигателями
один от мурманска
от одессы другой
не используя аэродромы подскока
малиновский и василевский

их траектории пересеклись
в районе реки ловать
взгляни на карту
там до сих пор огромное белое пятно
все сейсмостанции мира
зафиксировали мегатонный удар
когда маршалы стукнулись лбами

головная часть родиона
головная часть александра
обе вошли друг в друга
на второй космической скорости
их гиппокампы
соединились в одну лимбическую систему
и реплицировались
кто из них кто теперь
василиновский ли
малисилевский
бог из машины
рояль в кустах
лоскутное одеяло бихевиоризма
именно с этого момента
красная армия не знала поражений
лишь бесконечная череда
стратегических инициатив
наступательных операций

ленинградско-новгородская стратегическая
крымская стратегическая наступательная
выборгско-петрозаводская стратегическая
белорусская стратегическая наступательная

львовско-сандомирская стратегическая
яссо-кишеневская наступательная
восточно-карпатская стратегическая
прибалтийская стратегическая наступательная
белградская наступательно-стратегическая
петсамо-кирккенесская наступательная
висло-одерская стратегическая
померанская наступательная
моравско-остравская стратегическая
будапештская наступательная
бухарестская поступательная
и берлинская показательная

замолчал ткачук
затушил бычок
что открыл тебе
ты об том молчок
этот тайный сказ по сей день храню
от наперсника и от врага
дорого яичко ко христову дню
ко христову дню
сердцу дорого

* польский текст — песня из киноленты “Четыре танкиста и собака”

Содержание

Предисловие	3
Отчет командира батареи импульсных излучателей	5
Total Recall	7
Ante bellum	9
Pater Noster	11
last fight	12
height	13
introduction	14
southeast	16
Эпизод – Z	17
dona Magi	18
Singultus	19
top secret	21
боевая песнь макрели	22
***	23
die Luft	24
vis legibus est inimica	25
divertissement	27
tremor	29
Vae victis	31
Отчет куртизанки	33
Bolero	35
сумма квадратов катетов	37
temptatio I	39
temptatio II	40
rule	41
Геката	42
le Marais	43
Confessarsi innamorati	46
Валентина	47
GOT	49
Кубанские казаки	50
иван-дурак	51
воркутинская	52

dissolution	54
Waterloo Bridge	55
casus Troiae	56
Отчет вирусолога	57
Шелк	59
liberum arbitrium	60
indago	62
current receiver	63
mari proelium	64
verum corpus	66
Bestiarum	67
Иван-царевич	69
Бытие	71
день шестой	72
теплород	73
веселый молочник	74
memoria ruptio	75
6. Антиутопия	77
Turistia. 6	79
Bifurcation	81
ex pluribus unum	83
sententia	84
antico	85
Herd I	86
Herd II	87
sur le boulevard	88
redambula	89
de rerum natura	91
***	92
the birth of the clinic	93
Cancer carsus I	95
Cancer carsus II	96
cena dominica	97
adventum area	99
axis opticum	100
mycelium	102
sanctuary 1	103
Бустрофедон	104
Маршалы	105

Литературно-художественное издание

Плахов Дмитрий Андреевич

ВЫМИРАНИЕ ВИДОВ

On the Ruin of Species

стихотворения

Дизайн и компьютерная верстка *Е. Плахотная*
Издательство “Элит”

Подписано в печать 20.02.2018
Формат 60х90/16 Бумага офсетная.
Гарнитура «Futura» Печать офсетная
Усл печ. л. 7,5
Тираж 300 экз.